

Гиббон

ВИЗАНТИЯ ПЕРЕД ЗАВОЕВАНИЕМ ЕЕ КРЕСТОНОСЦАМИ (в 1781 г.)

Сто лет, от 1080 до 1180 г., а именно в правление Алексея I Комнина и двух его преемников, Иоанна (1118–1143 гг.) и Мануила (1143–1180 гг.), были лучшей эпохой византийской истории: императоры удачно отражали внешних врагов, держали в страхе самих крестоносцев и смирляли внутренние крамолы. Но весь этот успех основывался на личностях правителей, и достаточно было первых пяти лет после смерти Мануила, чтобы язвы византийского общества, прикрытые внешним блеском, обнаружались вполне и сделали понятными легкость завоевания империи какой-нибудь горсткой латинов.

Личные выгоды и противоположные страсти смущали иногда братскую взаимную привязанность двух сыновей императора Алексея Великого (Иоанна и Исаака). Честолюбие вынудило Исаака Севастократора бежать и возмутиться; непоколебимость и милости Иоанна Красивого привели его к подчинению. Заблуждения Исаака, отца императоров Трапезунда, были неглубоки и непродолжительны, но Иоанн, старший из его сыновей, навсегда отрекся от религии. Будучи оскорблен действительно или воображаемо императором, своим дядей, он оставил лагерь римлян и переселился к туркам. В вознаграждение за свое богоотступничество, он получил руку султана, титул *келеби*, или благородного, и обширные владения; потому в XV в. Магомет II хвалился тем, что он происходит из фамилии Комнинов.

Андроник, младший брат Иоанна, сын Исаака и внук Алексея Комнина, представляет собой один из великолепных характеров очерчиваемого нами века, и его похождения могли бы служить предметом весьма оригинального романа. Он заставил полюбить себя трех женщин королевского происхождения, и, действительно, художник, который захотел бы изобразить идеал силы и красоты, мог бы избрать его образцом для себя: он не имел тех приятностей, которые

сообщает светскость; но они заменялись в нем мужественностью, высоким ростом, мускулами атлета и воинственным видом. Кусок хлеба и стакан воды составляли часто его ужин, и если ему случалось есть кабана или козу, то они были убиты им самим на охоте и изготовлены его собственными руками. Его увлекательное красноречие умело применяться ко всем обстоятельствам и положениям жизни; он подражал св. Павлу, но только не своим поведением; и, если дело шло о том, чтобы причинить зло, он был смел в составлении планов и отважно приводил их в исполнение. После смерти императора Иоанна он удалился во главе римской армии; проходя по Малой Азии, он блуждал случайно или с намерением в горах, хотя и был в то время еще очень молод; турецкие охотники окружили его, и он оставался некоторое время, добровольно или против воли, во власти их князя. Его доблести и его пороки снискали ему благорасположение его двоюродного брата: он разделял опасности и удовольствия императора Мануила (преемника Иоанна); и между тем как этот последний находился в предосудительных связях с Феодорой, он успел обольстить Евдоксию, сестру этой княжны. Евдоксия, пренебрегая приличиями своего пола и своего звания, с гордостью называла себя наложницей Андроника, и как дворец, так и лагерь были свидетелями ее поведения. Она последовала за ним в Киликию, которая была первым театром его воинской доблести и его неблагоразумия. Он сильно торопился с осадой Мопсуесты: проводил дни в отчаянных приступах, а ночью предавался музыке и танцам; труппа греческих комедиантов составляла ту часть его свиты, которой он в особенности дорожил. Будучи однажды окружен неприятельским гарнизоном, сделавшим неожиданно вылазку, он своим непобедимым копьем пробился сквозь густые ряды армянских полков. После возвращения Андроника в императорский лагерь, находившийся в Македонии, Мануил принял его при всех весьма дружественно, по падише дал ему выговор и, чтобы вознаграждать или утешить несчастного полководца, дал ему княжества: Нес, Банизебу и Касторию. Евдоксия